

АЛЕКСАНДР МАРКОВ*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ВЫБИРАЯ ОДНО ИЛИ ДРУГОЕ НАЧАЛО**

РЕЦЕНЗИЯ НА «ЕВРОПЕЙСКИЙ СЛОВНИК»

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЛОВНИК ФИЛОСОФИЙ : ЛЕКСИКОН НЕПЕРЕКЛАДНОСТЕЙ. В 5 т. Т. 5 /
ЗА РЕД. Б. КАССЕН. — КИЇВ : ДУХ І ЛІТЕРА, 2021.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-284-293.

Новый дополнительный том украинского издания международного проекта «Европейский словарь философий: лексикон непереводаемости» под редакцией Б. Кассен (там же) (далее цитируется с указанием страницы, переводы с украинского наши) включает указатели ко всем томам, но содержит и самостоятельный коллективный труд — исследование свойств украинского философского языка и базовых украинских непереводаемостей как социальной философии, так и онтологии. Об этом проекте и о его культурных контекстах написано уже достаточно (Балла-Гертман, 2016; Алексеева, 2016; Автономова, 2019) — о задачах проекта не будем повторяться. При этом, конечно, речь идет о непереводаемостях в различном смысле по самому заданию: если социальная или политическая философия даже в период своего бурного развития может быть рассмотрена как завершенное явление, зафиксирована как уже определенным образом расположенная к своим проблемам, то онтология всегда сама себя проблематизирует, ищет основания собственной уместности, в том числе в языке. Поэтому вопрос о непереводаемости терминов *либерализм* или *common sense* совсем иной, чем проблема, как перевести οὐσία у Платона, которую продолжает обсуждать платоноведение поверх национальных границ; и это понятие один из авторов словаря Алексей Панич предпочитает не переводить, а транслитерировать.

Основной задачей дополнительного тома является конструирование украинской философской традиции, при котором некоторые базовые

*Марков Александр Викторович, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), markovius@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6874-1073.

**© Марков, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

понятия изобретаются как философские. Как и в других национальных версиях Словаря, эмоциональная сфера — например, виды тоски, различие между *spleen*, *saudade* и *Sehnsucht* — оказывается теснее связана с постановкой проблем именно в этой стране, чем интеллектуальная сфера: различие между *mind* и *Geist* создает наднациональные, а не национальные философские традиции. По сути, это исследование слов для базовых эмоций позволяет понять, как именно данная страна встретила лингвистический поворот XX века, те смещения в понимании отношений в системе субъект — язык — мир, где переменчивая субъективность тоски, не то личной, не то безличной, выдает то, как вообще могли начаться эти смещения в работе отдельных философов.

Но украинская версия непереводимостей сразу выходит на новые проблемы: прежде всего на национальную концепцию судьбы, которая описывается словами *Доля* и *Талан*. Авторы исходят и из определенного происхождения украинского философского языка, которое всегда можно проследить по текстам: например, Григорий Сковорода говорит на языке помещиков Слобожанщины, относивших себя к масштабному общерусскому проекту. Само изложение истории украинства в языке от экзотизации его Гоголем до скорой деэкзотизации со стороны Шевченко («Европейський словник філософій...», 2021: 26) означает, что речь в Словаре будет идти не о создании философских ресурсов на украинском языке, а о переизобретении такого языка, который не будет слишком отчуждать или одомашнивать предмет философского разговора.

В украинском государстве «Европейский словарь философий» (а в выпущенные до этого четыре переводных тома вошли не только переводы статей французского оригинала, но и несколько оригинальных статей украинских специалистов по античной философии, патристике и схоластике) в целом вошел в философский оборот: во всяком случае, в преподавании философии на украинском языке он употребляется, а сеть участников проекта, представляющих различные университеты Украины, позволяет сделать это применение достаточно консенсусным. Поэтому появление нового тома, уже посвященного украинским непереводимостям, становится шагом вперед: не нормирование существующих философских традиций при их аудиторном преподавании, а создание инструментов для того, чтобы самостоятельно философствовать по-украински. Это сама по себе непростая задача: не только показать миру значимость современной украинской философии, которая может существовать как определенный вид актуальной критической работы, но и научиться артикулировать то философствование, которое возникает

на украинском языке как способное всякий раз ставить самостоятельные научные проблемы.

В томе есть специфически украинские сюжеты создания новых векторов философской мысли, например, Богдан Огульчанский рассмотрел, как ряд однокоренных слов *чин / зачин / вчинок* (последнее означает поступок в смысле С. Л. Рубинштейна и М. М. Бахтина) может произвести специфически украинскую философию поступка (182 слл.) — интересно, можно ли с опорой на русское «учинить» в смысле «учредить» воспроизвести или пересобрать эту новую философию поступка, если, например, начать употреблять слово «учинить» вместо «учреждать» для перевода, скажем, *établir* или *constituer*? Вероятно, нет, потому что тогда нужно будет предварительно говорить о конституциях и бюрократической системе. Или, например, неожиданное для многих наблюдателей в конце 2013 года соединение в слове *майдан* понятий «форум» («референдум»), «митинг» и «самоорганизация» (193 слл., авторы статьи — Надежда Трач и Андрей Васильченко) продолжает производить украинскую политическую реальность и в наши дни. Есть в словаре и культурные сюжеты страны, такие как переизобретение великим украинско-немецким славистом Дмитрием Чижевским самой украинской культуры как культуры барокко (Европейський словник філософій..., 2021: 175), с распространением термина на стиль связывания больших понятий и интеллектуальных миров, что позволило Леониду Ушкалову увидеть барокко в самом стиле мысли Г. Сковороды, который производил аллегории аллегорий: к примеру, утверждал, что вопреки распространенному мнению Христос смеялся в высшем смысле, потому что подобен Исааку, чье имя означает «смех», — так типологический метод экзегезы оказался неожиданно переподчинен аллегорическому, что и можно охарактеризовать как барокко мысли.

Эту задачу нельзя назвать уникальной — скорее она типична, причем как для нациестроительства XIX века, так и для деколонизации XX века: в этом смысле Абай Кунанбаев и Кваме Нкрума могут быть равно названы создателями национальных философий при всем различии исторических контекстов: во всех случаях рецепция не просто западной науки, а ряда ее опосредований, проблематизирующих само ее ядро, определила состав новой философии: как Абай Кунанбаев прочитывал Гёте через Пушкина, а Кваме Нкрума — Декарта через программы англоязычных университетов. Это не значит, что философия не может быть создана повторно; в древнем Риме она создавалась несколько раз: и эпикурейство, и стоицизм, и платонизм не сразу строились. Но во

всяком случае, проблема учреждения современной украинской философии — такая же, как создание, например, современной грузинской или современной индонезийской философии: не просто регулярное преподавание онтологии и этики, а полагание самой ситуации, при которой постановка в данной стране философской проблемы так, чтобы на это отреагировали в других странах, не является невозможной или возможной лишь случайно и вопреки всему.

Узел связанных с непереводаемостью проблем и в России, и на Украине уже обсуждался десять лет назад, и, признаться, с тех пор существенных изменений в общей ситуации на постсоветском пространстве не произошло. М. Маяцкий, скептически оценив некоторые русские непереводаемости, включенные в начальное французское издание, такие как *Соборность* и *Богочеловечество* — калькированные богословские термины, обросшие коннотациями в силу не строго философской работы, а смешения философской и богословской проблематики, — заметил:

Проблемы, как передать русские философские «непереводаемости», просто-напросто не существует. *Этот* неуловимый Джо просто никому не нужен (Маяцкий, 2011: 19).

И действительно, пока мы не можем представить даже «русского Жижека» или «русского Резу Негарестани», хотя с тех пор у ряда русских философов нового поколения, таких как, например, Оксана Тимофеева и Артемий Магун, вышли книги на английском, и вполне возможно, что благодаря деятельности журналов «Транслит», «Стасис» и других сходных проектов через пять или десять лет будет заметно русское влияние на мировую философию, представленное уже десятью или пятнадцатью известными именами, *русские философские сезоны* (тоже чем не непереводаемость?). В том же 2011 году украинская исследовательница Инна Голубович предположила, что ресурс философской работы в «Словаре» поддерживается общим проектом Барбары Кассен, понимающей с опорой на психоанализ и критику античного логоса Европу как отсутствующий и при этом неотменимый объект, на который и направлен экзистенциальный выбор Украины, или, точнее, какая направленность и делает украинский выбор континентальной и аналитической философии экзистенциальным: «И этот драматичный украинский контекст следует иметь в виду, когда мы обратимся к национальной версии словаря» (Голубович, 2011: 232).

На самом деле большого противоречия между этими позициями нет: ведь во всем мире М. М. Бахтин и Л. С. Выготский, а в последнее время

и ОПОЯЗ относятся к самым цитируемым и изучаемым гуманитариям, а значит, проблема их перевода была как-то решена: ключевые термины в переводе уже стали устойчивыми и работающими, так как они вполне позволяют восстановить логику аргумента этих мыслителей. Но такая нормализация «русской теории» как уже классической не отменяет того самого драматизма, как украинского, так и российского: а как совершается выбор в пользу этой устойчивости, в пользу того, что аргумент будет и дальше безупречно работать? Каким образом возможно тогда дальнейшее существование и русской, и украинской, и, например, азербайджанской или казахской философии как не просто совокупности философских проектов или высказываний, но как науки, имеющей приметы уже состоявшегося выбора?

Именно об этом говорит один из авторов тома А. Панич, рассуждающий так. На Украине, как и в других постсоветских странах, в 2010-е годы нет единой философии как таковой, есть отдельные философские школы, ориентированные больше на импорт, чем на экспорт. Как замечает Панич, в стране найдется едва ли десяток «феноменологов», столько же «аналитических философов» и столько же «французских постмодернистов». Все эти виртуальные микросообщества прежде всего занимаются переводами, находя в украинском языке новые средства для передачи достижений мировой мысли XX века. Показательно, что Панич описывает отношения между этими философскими школами не как полемику или противостояние, но как некоторые возможности перевода из одной традиции в другую, которые и оправдывают само существование словаря (Європейський словник філософій..., 2021: 34):

Однако украинские философы имеют дело не с одним широким философским «космосом» («микрокосмом» которого мог бы стать украинский язык), а с рядом разноязычных философских миров, соединенных сквозными философскими традициями (наднациональными, хотя и национальными по происхождению), причем таким образом, что каждая традиция приобретает в известной степени уникальное звучание в каждой новой языковой среде.

Получается, что, например, Хайдеггер возможен по-русски, по-украински или на африкаанс потому, что Хайдеггер стал сначала возможен на своем «хайдеггеровском» жаргоне или, чтобы не принижать мыслителя, в определенной коммуникативной ситуации как раз того самого экзистенциального выбора и выбора методологического поворота, в которой участвовали также Сартр, Ортега-и-Гассет и другие очные и заочные собеседники Хайдеггера. Сергей Осипенко рассматривает

в «Словаре» (Європейський словник філософій..., 2021: 30) ситуацию советского времени, в которой философское разделение труда означало и географическое разделение между центром и периферией — это заставляло украинских советских философов копировать общий «советский» концептуальный аппарат, представлявший собой не инструмент самостоятельного мышления, а инструмент интерпретации уже переведенных классиков марксизма-ленинизма. Эта ситуация уже-перевода и оказывается исходной для проекта: как Ленин, так и Маркс переводился на украинский с русского, и, следовательно, вся рамка интерпретации спускалась сверху уже благодаря тому, что тексты с самого начала были в нее намертво вставлены самими издательскими и комментаторскими принципами и общими режимами философского производства в СССР. В таком случае задачей украинского тома оказывается прежде всего ломка таких рамок, показывающая, что для самостоятельного мышления недостаточно просто автономного использования философских ресурсов, но требуются более радикальные шаги в языке и отношении к реальности.

Примеры такого действия от интерпретации к учреждению или положению реальности можно найти прежде всего в статьях о политических терминах, например, в созданной Б. Огульчанским образцовой статье *Гідність* о понятии, которое, как перевод греческого ἀξία и латинского *dignitas*, вытеснило понятие *достоинство*. Огульчанский подробно говорит, как культура аристократического достоинства гетманской эпохи готовила уже более универсальную идею свободы, как только речь шла об обосновании независимости этнорелигиозной группы внутри Речи Посполитой. Автор указывает (к сожалению, без учета статьи: Тесля, 2015) как на важнейший источник уже современной политической мысли Украины на «Книгу бытия украинского народа» Н. Костомарова (1846), являющуюся в свою очередь переработкой труда А. Мицкевича (Європейський словник філософій..., 2021: 98). Но также неоднократно Словарь, и не только в этой статье, обращается к политической реальности гетманства от Петра Сагайдачного до Пилипа Орлика и тем практическим нормам, которые создавались распоряжениями гетманов, в понимании свободы, гражданской жизни и вообще политической реальности. Тогда в наши дни, читая Словарь и формализуя прежнее слово Костомарова или Пилипа Орлика, мы получаем автономию политического как подразумеваемый контекст их мысли и как главный практический вывод из философской работы, основанной на этих непереводаемых понятиях. Такие истории политической практики как

обосновывающей вхождение украинского мира в модернность читаются с огромным интересом: так, Леонид Ушкалов в статье *Свобода* раскрывает, как Мелетий Смотрицкий обосновал «русский народ» как этнорелигиозную общность (Европейский словарь философий..., 2021: 78), которая должна пользоваться привилегиями в Речи Посполитой, и тем самым вполне создал работающую мысль современного типа о соотношении прав и обязанностей, которой предстояло только заработать внутри ответственной философской деятельности.

Но политическая терминология не остается вопросом социальной рефлексии и достаточного основания учредительного действия, как его понимает модернность, но выводит на те оппозиции, которые прямо указывают на сам философский метод, на то, как он может существовать после многочисленных «поворотов» XX века, отказа от субъект-объектного подхода в пользу «жизненного мира», «языка», «существования» и т. д. Так, одним из центральных в томе оказывается сюжет *Свобода / Воля*. Известно, что некоторые ключевые пары синонимичных по смыслу, но различных по языку и техническому употреблению понятий в русском языке скопированы с немецкого, например, противопоставление *объект / предмет* продолжает немецкое *Objekt / Gegenstand*, а противопоставление *мораль / нравственность* — немецкое *Moralität / Sittlichkeit*. Но здесь часто эти отношения переверачиваются: у Гегеля «моральность» означает моральную автономию, возможность совершать поступок, в то время как «нравственность» — следование семейным или гражданским обычаям, тогда как в русском языке скорее «моральный» человек подчиняется общепринятым нормам, а вот «нравственный» может совершить смелый и героический поступок. Точно так же к понятию темы ближе немецкое *Gegenstand*, а в русском скорее «объект», а не «предмет». В словаре — без отсылок к этой коллизии и с ожидаемой ссылкой уже в первой части тома (там же: 40) на знаменитое стихотворение Леси Украинки «Одно слово» (1903) — рассмотрено противопоставление *воля / свобода* в русском и украинском языках. Доказывается, в частности, с опорой на труды Г. П. Федотова (там же: 87), что в русском языке воля представляет собой некоторый институт, вольность, тогда как свобода понимается метафизически, особенно у Бердяева, для которого бесосновная свобода предшествует любому состоявшемуся бытию. В то время как в украинской мысли — и здесь дается ссылка на выпад М. Драгоманова против названия «Народная Воля» (там же: 74), что эта политическая группа сводит волю к сумме политических прав, — как раз *воля* оказывается

начальным учредительным действием, способом существования, тогда как *свобода* уже осуществляется в частных политических институтах. Такой способ пересборки политической традиции в статье оказывается продуктивен, чтобы понять не только что национальная мысль делает с Локком, но и что она делает с Гегелем или с «поворотами» XX века и насколько здесь нужно быть осторожными при переводах и создании оригинальных текстов на национальном языке.

Эта осторожность работы с национальным языком и в национальном языке проявляется прежде всего в исследовании того, как в украинском философском наречии, понятом широко и текстоцентрично — от средневековых проповедей до нормативных бюрократических документов, — специфицировались различные понятия. Так, Наталья Годун показывает, как слово *талант* от Кирилла Туровского до Герасима Смотрицкого специфицировалось как талант проповедников: именно они должны были преумножать слово Божие, что привело одновременно к сакрализации понятия и появлению социального измерения, востребованного в любом современном украинском проекте. Или Александр Киричок, исследуя триаду *держава / влада / власть*, раскрыл почти детективный сюжет, как понятие *dominium* приобретало оттенок не только распоряжения имуществом, но и ответственности за происходящее в стране в современном смысле.

Сходный сюжет Лариса Довга и А. Киричок прослеживают в отношении понятий *благо / добро*: когда Г. Сковорода окончательно утвердил уже в современную эпоху понятие *Благо* в христианско-платоническом абсолютизирующем смысле, то это его философское действие обусловило не столько развитие платонизирующего богословия, сколько историзацию античных и средневековых источников не как непосредственно и наивно воспринимаемых, но позволяющих, обучаясь у Аристотеля или Фомы Аквинского, всякий раз продуктивно переопределять отношение между теорией и практикой. Вообще, в Словаре одна статья несколько выпадает из формата — созданный Аленой Сырцовой и Андреем Васильченко, по сути, Аналитический онтологический словарь Григория Сковороды (150 слл.), который рассмотрен именно как ресурс историзации античной философии и ее онтологии как исторически маркированной. Другой стороной этой историзации стала недостаточная освоенность самой онтологической терминологии, сложившейся в украинском языке, о чем А. Панич писал в одном из препринтов проекта Б. Кассен (*Philosopher en langues*, 2014: 208) на примере слова *ество*. Как, читая работы украинских коллег, мы распорядимся своей

историзацией прошлого нашей философии и своими ресурсами — задача для всех нас.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономова Н. С.* После Вавилона, или о переводе «непереводимостей» // Шаги-Steps. — 2019. — Т. 5, № 3. — С. 216–225.
- Алексеева М. Л.* Проблема непереводимости в философских исследованиях начала XXI в. // Вопросы философии. — 2016. — № 3. — С. 51–60.
- Балла-Гертман О. А.* Корни универсальности (Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей / Под руководством Барбары Кассен. Перевод с французского. Т. 1. Киев: Дух і літера, 2015. 450 с.) // Вестник Самарской гуманитарной академии. — 2016. — № 2. — С. 133–137. — (Философия. Филология).
- Голубович И. В.* «Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей» (французский оригинал и украинская версия) : Универсум, мультиверсум, картография // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2011. — Т. 2, № 3. — С. 229–241.
- Маяцкий М.* Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей» под ред. Б. Кассен // Логос. — 2011. — № 5/6. — С. 13–21.
- Тесля А.* Вариация на тему политической теологии : «Книга бытия украинского народа» // Социологическое обозрение. — 2015. — Т. 14, № 2. — С. 82–106.
- Philosopher en langues : Les intraduisibles en traduction / sous la dir. de B. Cassin. — Paris : Presses d'École normale supérieure, 2014.
- Європейський словник філософій : Лексикон неперекладностей. В 5 т. Т. 5 / за ред. Б. Кассен. — Київ : Дух і Літера, 2021.

Markov, A. V. 2021. "Natsional'naya filosofiya: vybiraya odno ili drugoye nachalo [National Philosophy: Two of a Kind]: retsenziya na 'Evropeys'kiy slovník' [Review of 'European Vocabulary']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (2), 284–293.

ALEKSANDR MARKOV

FULL PROFESSOR

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6874-1073

NATIONAL PHILOSOPHY: TWO OF A KIND

REVIEW OF "EUROPEAN VOCABULARY"

KASSEN, B., ED. 2021. [IN UKRAINIAN]. VOL. 5 OF *EVROPEYS'KIY SLOVNIK FILOSOFIY [EUROPEAN DICTIONARY OF PHILOSOPHY] : LEKSIKON NEPEREKLADNOSTEY [THE LEXICON OF UNTRANSLATABLES]*. 5 VOLS. KIIV: DUKH I LITERA

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-284-293.

REFERENCES

- Alekseyeva, M. L. 2016. "Problema neperevodimosti v filosofskikh issledovaniyakh nachala XXI v. [The Problem of Untranslability in Philosophical Research at the Beginning of the 21 c.]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, no. 3: 51–60.
- Avtonomova, N. S. 2019. "Posle Vavilona, ili o perevode 'neperevodimostey' [After Babylon, or On the Translation of 'Untranslatables']" [in Russian]. *Shagi-Steps [Shagi-Steps]* 5 (3): 216–225.
- Balla-Gertman, O. A. 2016. "Korni universal'nosti (Yevropeyskiy slovar' filosofiy: Leksikon neperevodimostey / Pod rukovodstvom Barbary Kassen. Perevod s frantsuzskogo. T. 1. Kiyev: Dukh i litera, 2015. 450 s.) [Roots of Universality: A Review]" [in Russian]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy]*, *Filosofiya. Filologiya [Philosophy. Philology]*, no. 2: 133–137.
- Cassin, B., ed. 2014. *Philosopher en langues: Les intraduisibles en traduction* [in French]. Paris: Presses d'École normale supérieure.
- Golubovich, I. V. 2011. "'Yevropeyskiy slovar' filosofiy: Leksikon neperevodimostey' (frantsuzskiy original i ukrainskaya versiya) ['European Dictionary of Philosophy: Lexicon of Untranslatables' (French original and Ukrainian Versions)]: Universum, mul'tiversum, kartografiya [Universe, Multiverse, Cartography]" [in Russian]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University Named After A. S. Pushkin]* 2 (3): 229–241.
- Kassen, B., ed. 2021. [in Ukrainian]. Vol. 5 of *Evropeys'kiy slovník filosofiy [European Dictionary of Philosophy] : Leksikon neperekladnostey [The Lexicon of Untranslatable]*. 5 vols. Kiiv: Dukh i Litera.
- Mayatskiy, M. 2011. "Neperevodimosti real'nyye i voobrazhayemye. Listaya 'Yevropeyskiy slovar' filosofiy: Leksikon neperevodimostey' pod red. B. Kassen [Real and Imaginary Untranslatables. Leafing through the 'European Dictionary of Philosophy: A Lexicon of Untranslatables' ed. by B. Kassin]" [in Russian]. *Logos [Logos]*, nos. 5–6: 13–21.
- Teslya, A. 2015. "Variatsiya na temu politicheskoy teologii [Variation on the Theme of Political Theology]: 'Kniga bytiya ukrainskogo naroda' ['The Book of the Life of the Ukrainian People']" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 14 (2): 82–106.